

Стихи грузинского поэта Михаила Квливидзе вот уже сорок лет знакомы любителям поэзии в переводе А. Ахматовой, Б. Ахмадулиной, Н. Заболоцкого, Д. Самойлова, Е. Евтушенко. Однако мало кому, наверное, известно, что голос поэта звучал за кадром в фильмах режиссера Тенгиза Абуладзе — «Древо желаний» и «Покаяние».

— Почему режиссер пригласил для дубляжа на русский язык меня, а не одного или нескольких актеров, — загадка, — рассказывает Михаил Георгиевич.

— Тенгиза Абуладзе я знаю с детства — учился в соседних тбилисских школах. Его отец, врач, труженик, каких мало, бывал у нас дома — и не только по вызовам. Но так уж случилось, что когда я перебрался в Москву, наше знакомство с Тенгизом прервалось, хотя мы не прекращали следить за творчеством друг друга. Поэтому, когда Абуладзе неожиданно позвал меня дублировать «Древо желаний», я шел на студию, напевая: «Я не актер, и голос мой негромок».

Мне показали монтажные листы, я кое-что отредактировал, бодро начал читать... и понял, что малой кровью тут не обойдешься. В переводе грузинский текст звучал так литературно, что необходимо было разбавить его разговорной речью. Как и в поэзии, дословный перевод в кино отдаст мертвечиной.

«Древо желаний» — самый грузинский фильм, какой я когда-либо видел. Там есть белая магия, которая зовется поэзией. Фильм «настоян» на книге прозы Георгия Леонидзе, поэта, которого переводил Пастернак. Чтобы перенести на экран притчевую прозу, нужны невероятные живые характеры. И режиссер их нашел — и какие! А у меня сначала ничего не по-

Кино: как это делается

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

лучалось. Когда впервые дали прослушать, как звучит мой голос, пришел в ужас.

Вскоре произошла забавная вещь: накануне записи сорвал голос на выступлении, и он стал печально — сипло — придуренным. «То, что нужно!» — обрадовался Абуладзе. Конечно, каждый раз «сжать» голос не было возможности, зато я понял, чего от меня добивается режиссер: поймал тональность, как говорят певцы...

Медленно и со скрипом мы подобрались к финалу, к сцене гибели Мариты. От жалости к этой девушке, которую успел полюбить, бог знает от чего еще — мой голос дрогнул, всхлипнул. Я замолчал, полагая, что надо бы переписать, и тут увидел машущего руками режиссера: продолжай, мол. Так эта часть фонограммы — со слезами в голосе — и осталась.

Я сделался профессиональным «озвучальщиком». И не особенно удивился повторному приглашению от Тенгиза Евгеньевича.

Взял отпуск за свой счет в издательстве, где работаю, и вместе с режиссером в течение месяца не вылезал из студии.

Вы знаете, что в «Покаянии» есть стихи. 66-й сонет Шекспира я читал в переводе Маршака.

Кое-что пришлось перевести самому, к примеру,

вирши человека из свиты Варлама Аравидзе. Помните, когда на похоронах он говорит: «Варлам умел превращать своих врагов в друзей и делать из друзей врагов...». И, дабы образованность показать, читает стихи — какого-то третьестепенного грузинского поэта — символиста. Я перевел в стиле виршей капитана Лебякина из «Бесов», стараясь сохранить дух возвышенного идиотизма: «Вот гроб, как шведский стол, стоит в дубовом зале...». Еще Чехов не без юмора заметил, что тот не поэт, у кого нет в стихах слова «аккорд». Слово из того же ряда — «сальто-мортале» — стояло в оригинале. Его я с удовольствием и сохранил: «Но Смерти нет. А есть — сальто-мортале: холодный ужас и предсмертный страх!».

Не сочтите меня человеком нескромным, но мне трудно удержаться, чтобы не привести мнение двух московских литераторов. Один после просмотра «Покаяния» сказал, что не мог вспомнить, на каком языке шел фильм, поскольку слова ощущались где-то на уровне подкормки, как будто он стал понимать по-грузински. А другой готов был поспорить, что последние слова в фильме — о дороге к храму — сама произносит по-русски несравненная Верико Анджапаридзе.

Записал
А. СПИРИН.